

ПОД ВОДОЙ. НА НЕБЕ. НА ЗЕМЛЕ...

СЕДЬМОЕ КОЛЕНО

АЛИСА
КОТОВА

Алиса Котова
Седьмое колено

«ТАТМЕДИА»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Котова А.

Седьмое колено / А. Котова — «ТАТМЕДИА», 2024

ISBN 978-5-4494-0215-8

Представляем вашему вниманию увлекательную книгу «Седьмое колено» на русском языке, которая относится к жанру детектив. Эта печатная книга непременно заинтересует всех любителей загадочных историй, неожиданных поворотов сюжета и напряженной интриги. «Седьмое колено» – это настоящий шедевр детективной литературы, который подарит вам часы захватывающего чтения. Автор мастерски сочетает элементы классического детектива с современной сюжетной линией, создавая неповторимую атмосферу тайны и загадки. Вы обязательно погрузитесь в мир, где каждое новое обстоятельство ставит под сомнение предыдущие предположения, а финал всегда остается непредсказуемым. Эта печатная книга станет отличным подарком для тех, кто ценит качественную литературу и любит разгадывать самые запутанные дела вместе с главными героями. Если вы хотите провести время с пользой и удовольствием, остановите свой выбор на книге «Седьмое колено». Она идеально подойдет как для самостоятельного чтения, так и для обсуждения в кругу друзей и близких. Детективная история, описанная в этой книге, долго будет держать вас в напряжении и заставит анализировать каждый поворот сюжета. Мистический детектив «Седьмое колено» – это истории и судьбы людей, которые уходят от нас внезапно. Отправная точка повествования – трагедия на теплоходе «Булгария»... Книга поделена на семь частей, каждая из которых рассказывает историю отдельного рода до седьмого колена. Сквозь всё произведение красной нитью проходит история семьи, которая спаслась после крушения «Булгарии». Детективная составляющая книги также косвенно касается трагедии на теплоходе, и её финал (раскрытие преступления) говорит о том, что добро всегда победит зло, каким бы оно хитроумным ни было.

УДК 821.161.1-31

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-4494-0215-8

© Котова А., 2024
© ТАТМЕДИА, 2024

Содержание

Часть 1. Погружение	7
Глава 1. Близнецы	8
Глава 2. По ту сторону	12
Глава 3. Пираты Карибского моря	14
P.S	16
Часть 2. Грехи	17
Глава 1. Портрет блудницы	18
Глава 2. Под облаками	20
Глава 3. Святая русалка	21
P.S. P.S...	25
Часть 3. Замены	26
Глава 1. Борис[1]	27
Глава 2. Денница[2]	29
Глава 3. Вещий сон[3]	31
P.S. P.S. P.S...	35
Часть 4. Гадание	36
Глава 1. Гадалка	37
Глава 2. Заповедь Моисея	39
Глава 3. Цыганка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алиса Котова

Седьмое колено

© Алиса Котова, 2024

© Филиал АО «Татмедиа» ПИК «Идел-Пресс» 2024 год

* * *

Выражаю огромную благодарность певцу и композитору Салавату Фатхетдинову за главную мысль этой книги, которая стала ее смыслом и названием.

«Я сочинил песню: в ней я прошу Бога о том, чтобы все мои грехи он позволил отрабатывать только мне, чтобы не перекидывал их на моих детей до седьмого колена. По-моему, это справедливо было бы. Мы не ведаем, что делаем, когда грешим. И еще я спою народу моему татарскому (другому я не имею права), чтобы опомнились. Я спою ее на августовском концерте»

Салават Фатхетдинов, июль, 2011

Все события вымышлены, кроме главного. Все совпадения считать случайными.

Часть 1. Погружение

10.07.2011, 15:25

«ИТАР-ТАСС»: «На Волге затонул пассажирский теплоход «Булгария». Инцидент произошел в 13:58 (по московскому времени) вблизи селения Сюкеево в Камско-Устьинском районе Татарстана. «По предварительным данным, на теплоходе находились около 20 человек», – сказал ИТАР-ТАСС руководитель пресс-службы Приволжского регионального центра МЧС Олег Зугеев. Большую часть людей удалось эвакуировать, но 2 человека погибли. Причины случившегося устанавливаются. На месте происшествия работают специалисты Государственной инспекции по маломерным судам и другие спасатели».

10.07.2011, 16:00

«РОССИЯ24»: «Теплоход «Булгария», совершавший круиз по маршруту Казань – Болгар – Казань, 10 июля 2011 года затонул в Волге в районе села Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана. Два судна – сухогруз «Арбат» и толкач «Дунайский-6б», прошли мимо плотов с пассажирами и экипажем теплохода «Булгария». Первым судном, пришедшим на помощь терпящим бедствие, являлся круизный теплоход «Арабелла», экипажем которого и была проведена спасательная операция. На борту теплохода «Арабелла» выжившим была оказана первая медицинская помощь, предоставлены еда, горячее питье и сухая одежда. Несколько тяжело пострадавших были отправлены в Казань на «Метеоре».

Глава 1. Близнецы

В то солнечное июльское утро обитатели теплохода «Булгария» с умилением разглядывали вновь прибывшую на борт компанию пассажиров в количестве четырех человек. Компания состояла из двух одинаковых бабушек и двух одинаковых внуков и являла собою картину редкую по своей симметричности, с какой стороны ни посмотри. Каждый созерцающий этот квартет непременно старался поделиться с окружающими своими познаниями в близнецовой области. Правда, познания дальше двух известных всему миру фактов не двигались. Первый состоял в том, что близнецы рождаются строго через поколение, и сей факт был налицо: две бабушки, два внука. Второй: близнецы неразлучны.

Неразлучные близнецы между тем, особенно младшая, пятилетняя их часть, наполняли пространство синхронным по своей заунывности нытьем.

– Бабуля, – завывал один, – я не хочу в древний город.

– Бабуля, – в точности до малейшей интонации включался второй, – я не хочу в древний город.

– Бабуля, – не унимался первый, – я хочу купаться.

– Бабуля, – эхом вторил другой, – я хочу купаться.

– Бабуля, я хочу нырять в Волгу.

– Бабуля, я хочу нырять в Волгу.

– Бабуля, я хочу погружаться...

– Бабуля, я хочу погружаться...

– ...как папа в Египте.

– ...как папа в Египте.

– Бабуля, мне же купили ласты.

– Бабуля, мне же купили ласты. И подводные очки! – вдруг выбился из последовательности второй.

– И подводные очки! – тут же подхватил первый.

Теперь близнецы поменялись ролями: второй завывал, первый подвывал. Но заметить, кто кого заменил, для неподготовленного наблюдателя было делом нереальным:

– И трубку, чтобы дышать под водой.

– И трубку, чтобы дышать под водой.

– Бабуля, хочу купаться!

– Бабуля, хочу купаться!

– Боже, как ты это выносишь? – обратилась одна бабушка к другой, закатывая в искреннем изнеможении глаза к небу.

– Это невыносимо, – отвечала ей вторая, высвобождая свою юбку из кулачков вцепившихся в оборки внуков. – Бедные мои дети! Хотела облегчить им жизнь на выходные, но выживу ли я в эти выходные в компании этих малолеток, большой вопрос. Неужели мы тоже были такими, Ариша?

– Неужели мы тоже были такими, Ариша? – передразнила ее вторая бабушка. – Ириша, а ты сама не помнишь, что ли? – и обе засмеялись, вспомнив что-то, достойное воспоминаний.

– Кажется, кто-то просил у меня сестренку, – улыбнулась загорелая дамочка в белом сарафане, обращаясь к своей дочери, с интересом наблюдающей за близнецами. – Посмотри на этих колобков, как они мучают своих бабушек!

– Но я же просила сестренку, а не колобков, – отвечала Мила. – Но от таких хорошеньких я бы тоже не отказалась, только чтобы они были девочками.

Дамочка в притворном ужасе замахала руками. Как всякая мать, она понимала, что с выращиванием близнецов мороки гораздо больше, чем с одним ребенком, но уж больно пяти-

летние колобки были хороши – крепенькие, сбитенькие, щекастенные, и даже это бесконечное нытье про погружение их нисколько не портило, а лишь придавало двойное очарование.

– Может быть, сдать их в какую-нибудь игровую комнату, а? – спросила одна из бабушек другую. – Должны же на этом теплоходе быть игровые комнаты. А мы бы спокойно посидели на палубе, попили бы красного вина, – она скосила глаза на свою сумку, в недрах которой, судя по бутылочным очертаниям, вино и покоилось. – Полезно для крови, между прочим, потому что... – но полезные свойства красного напитка ей перечислить не дали.

– Бабуля, хочу погружаться!

– Бабуля, хочу погружаться!

– Чистое наказание с этим погружением, – сказала бабушка и принялась выискивать глазами обслуживающий персонал теплохода. – Милейший, милейший! – закричала она, обращаясь к клоуну с красным носом.

Клоун поспешил на зов.

– Милейший, нет ли тут у вас какой специальной игровой комнаты для детей, чтобы с ними там позанимались часика два-три?

– Бабуля, я не хочу в игровую комнату, я хочу погружаться.

– Бабуля, я не хочу в игровую комнату, я хочу погружаться.

– Помолчите вы хоть минуту! – прикрикнула на них вторая бабушка, оттягивая близнецов к себе.

Клоун улыбнулся накрашенными губами и сказал приятным девичьим голосом:

– После того как осмотрите древний город Болгар и пообедаете, мы ждем всех детей в музыкальной комнате, там с ними будут заниматься аниматоры, – клоун ласково погладил белобрысые затылки, которые непокорно отпрянули от чужой руки.

– Вот видите, – сказала бабушка, – после обеда с вами будет играть клоун. Какое счастье, что есть еще на свете клоуны!

– Бабуля, я не хочу клоуна, я хочу погружение, у меня ласты есть! – и мальчик помахал неизвестно откуда взявшимися в руке лапами. Тут же лапами замахал и его брат:

– Бабуля, я не хочу клоуна, я хочу погружение, у меня ласты есть.

– Будет вам погружение, – подмигнул клоун и убежал, помахав ручкой.

Близнецы сразу успокоились и целые две минуты счастливо молчали. После чего завелись опять:

– Бабуля, пойдем в каюту и возьмем маску для погружения.

– Бабуля, пойдем в каюту и возьмем маску для погружения.

– И трубку...

– И трубку...

– Вот именно про это писал Некрасов: «Мужик что бык: втемяшится в башку какая блажь...» – бессильно развела руками бабушка Арина.

– «...Колом ее оттудова не выбьешь...» – блестяще продолжила цитату бабушка Ирина. – Эдак они нас уморят до обеда.

– Я вот им сейчас уморю, – сделала сердитые глаза бабушка Арина. – А ну! Замолчали оба, а то после обеда пойдете спать как миленькие, а не к клоуну, понятно?!

– Бабуля, я не хочу спать, я хочу погружение с клоуном.

– Бабуля, я не хочу спать, я хочу погружение с клоуном.

– Вот тогда замолчали оба, взялись за руки, и идем осматривать древний город.

– Бабуля, я не хочу древний город...

– А ну-ка цыц! Замолчали оба, или прямо сейчас спать отправлю! – Бабушка не шутила, и близнецы покорно замолчали, подставили свои головы под бейсболки с безглазыми черепами на лбах и, с трудом сдерживая слезы, послушно держась за руки, стали сходить по трапу на пристань древнего Болгара.

Древний город их совсем не впечатлил – старые развалины и жара. Но они терпели, покорно плелись по заданному маршруту, лишь изредка бросая несчастные, полные немой мольбы взгляды на бабулю. В этих глазах плескались прохладные волны и плавали разноцветные рыбки... Но бабушка не обращала ни на волны, ни на рыбок никакого внимания, предпочитая сухопутные развлечения водным: лазила по камням, фотографировала бабулю Арину, периодически разговаривала с дочкой по телефону:

– Да, Наташенька, все у нас в порядке, отдыхайте. Они здесь, под двойным присмотром... куда они денутся... все у нас хорошо... Нет, ведут себя очень даже послушно, держатся за руки... Справляемся, отдыхайте от этих спиногрызов, отдыхайте.

К обеду, когда все уже вернулись на теплоход, близнецы полностью экипировались.

– Куда это вы так вырядились? – всплеснула руками бабушка Арина, войдя в каюту и наткнувшись на двух готовых к погружению аквалангистов.

На шее у близнецов висели маски с прицепленными к ним трубками. На ногах растопырились ласты.

– На погружение, – отрапортовал один.

– На погружение, – отрапортовал второй.

– Вообще-то у нас еще обед сначала, как вы в столовую в ластах пойдете? – удивилась бабушка Арина.

– Ой, пусть идут уже хоть в ластах, хоть в лыжах, лишь бы не ныли, – отмахнулась бабуля Ирина.

– Мы, чтобы время зря не терять.

– Мы, чтобы время зря не терять.

– Покушаем – и сразу к клоуну, на погружение.

– Покушаем – и сразу к клоуну, на погружение.

– В таком одеянии их совсем не различишь, – сказала бабуля Ирина. – Где Тимоша, а где Антоша – непонятно.

– Я Тимоша, – сказал Тимоша.

– Я Антоша, – сказал Антоша.

– Ну, тогда все понятно, – сказала бабуля Ирина. – Будем различать по ластам: у Тимоши синие – у Антоши зеленые.

– Нет, у меня синие.

– Нет, у меня зеленые.

– Понятно, – кивнула бабуля Ирина, озадаченно глядя на аквалангистов. – Хотя, если честно, ничего не понятно. Неужели, Ариша, и мы такими же были неразличимыми?

– Неужели, Ариша? – передразнил ее точно такой же голос. – Да ты вспомни, Ириша! И в зеркало посмотри!

И бабушки, взглянув в зеркало, прыснули в ладоши.

* * *

Во время обеда близнецы маялись, раскачиваясь на стульях. Есть не хотелось, даже свежий воздух древнего Болгара не прибавил аппетита. Они ерзали и вертелись, как и утром, приковывая к себе взгляды окружающих.

– Смотри, они уже в ластах, – сказала Мила матери. – Погружаться собрались. Прикол. Пожалуй, я соглашусь на братиков.

– Хорошенькие? – мама тоже любовалась.

– Угу, – кивнула Мила. – Жалко, что папа не видит, он бы тоже таких захотел. Я их сейчас сфоткаю и ему отправлю эмэмэской.

В конце обеда в столовую торжественно зашел знакомый клоун и пригласил всех детей в музыкальную комнату. Близнецы, несмотря на трудности передвижения в ластах, мигом оказались рядом с ним, так и не доев второе.

Бабушки облегченно вздохнули, глядя, как удаляются внуки...

– Может, тоже пойдешь, доча? – спросила мама Милу, ожидая услышать гневный отказ: ведь ей уже 11 лет, с малявками играть просто неприлично!

– Пойду, – неожиданно встрепенулась Мила, – вон туда и Карина пошла, и Альберт, с которыми мы утром познакомилась... – И, чмокнув родительницу в щеку, она поспешила в музыкальную комнату.

– Я буду ждать тебя на палубе! – крикнула вдогонку мама. И вдруг почувствовала себя страшно одинокой в этом мире, среди начинавших хмуриться облаков. Новый белый сарафан, красивый пурпурный маникюр на руках – все, на что она еще пару минут назад любовалась в зеркало, перестало радовать сразу и вдруг – когда дочь оставила ее одну Поэтому, забрав свою сумку, она переместилась поближе к музыкальной комнате, села в кресло у двери и стала ждать.

Глава 2. По ту сторону

– О, небеса! Что за народ я допустил до жизни?! Они убиваются по детям своим и обвиняют меня – МЕНЯ – во всех СВОИХ грехах! – Всевышний вознес перст к небу, призывая в свидетели своего недоумения ангелов, коих скопилось вокруг него великое белокрылое множество. – Меня обвиняют в грехах собственных родителей и прародителей! – продолжал он. – Как неграмотные, честное слово. Сказано же: расплата за грехи до седьмого колена, а значит, нечего грешить. Или я неправ?

Ангел, к которому обратился Всевышний, почтительно склонил голову, что могло означать только одно – прав.

– Вот именно, – кивнул Всевышний удовлетворенно. – Поэтому выключи-выключи – меня этим не проймешь, – замахал он руками на огромный экран на каменной стене. – Я-то знаю, что детишкам – особенно детишкам – у меня будет лучше, чем на земле. И ничего страшного с ними до конца существования не случится, а это значит, никогда не случится. Только покой, уют, моя любовь и покровительство.

Ангел опять покорно кивнул, склонив голову, хотя и слыл Непокорным. Но подняв голову, он уже не увидел Всевышнего на прежнем месте – тот отправился в преисподнюю проведать грешников.

В подземелье стояла жуткая жара и смрад. Черная Тень метнулась к вошедшему и услужливо замахала перед ним алым веером.

– Оставь это! – раздраженно отмахнулся Всевышний. – Ты же знаешь, мне все равно. Мне ни жарко ни холодно, а твоим подопечным никакой веер не поможет.

Тень сложила в поклоне в три погибели и спрятала веер куда-то прямо в себя.

– Где семиколенники? – спросил Всевышний.

Тень указала вновь извлеченным из своих недр веером на правый коридор. Оттуда слышались мучительные стоны.

Всевышний, поддерживая полы своих белых одежд, тронулся в указанном направлении. Стоны становились все громче и громче, пока взору Всевышнего не предстала картина вечных страданий: совершенно изможденные полупрозрачные личности без остановки подкидывали уголь в пылающий зев печи, на гигантских конфорках которой на сковородках величиною с три человеческих роста извивались будто черви и стонали от обжигающей боли человечки – много обугленных, просвечивающих насквозь человечков, именуемых по эту сторону земли душами.

– На минуточку прекрати все это, – обратился Всевышний к сопровождающей его Тени, показывая на одну из жаровень, – у меня для них объявление.

Огонь перестал пылать, стоны мгновенно стихли. Грешники устремили на Всевышнего измученные, но благоговейные взгляды.

– Значит, так, дорогие мои, я сейчас не буду в тысячный раз перечислять, кто за что здесь мучается, – сами все знаете. Сообщаю только, что срок мучений ваших родов подошел к концу. У каждого из вас сегодня и одновременно случился большой праздник. Потому что те, кто является вашим седьмым коленом, очень быстро и совершенно для них неожиданно распрощались с земной жизнью. Утонули. Особо не мучились, мало что поняли, особенно дети невинные. Все сейчас здесь, у врат чистилища, всех распределяют, согласно вашим грехам.

– А как дети? Как дети? Куда их, Всевышний? – заволновались грешники.

– Большинство детей виновато лишь в том, что они являются вашими потомками – вашим седьмым коленом, а я хоть и строгий, но справедливый судия, – веско сказал Всевышний. – Невинные души детей в ад не попадут, будьте покойны.

Многие из грешников облегченно вздохнули.

– А теперь продолжайте, – кивнул Всевышний Черной Тени, и адское действо продолжилось.

Глава 3. Пираты Карибского моря

Клоун показывал фокусы, смешил честной народ, но близнецам было не до смеха – погружением и не пахло. Они расплющили свои носы об оконное стекло и печально созерцали плещущиеся внизу волны.

– Давай потихонечку раскачивать корабль, чтобы он перевернулся и мы погрузились, – предложил Тимоша.

– Давай потихонечку раскачивать, – обрадованно согласился второй и заработал попой.

– Мы перевернем корабль, как в «Пиратах Карибского моря», и окажемся под водой.

– Точно. Мы перевернем корабль, как в «Пиратах Карибского моря», и окажемся под водой.

Раскачивать корабль долго не пришлось – он быстро накренился набок, и отовсюду: сверху, снизу, сбоку – полилась вода.

– Ура! – закричал Антоша. – Сработало! – и быстро натянул на лицо маску.

– Ура! – закричал Тимоша. – Сработало! – и тоже натянул маску.

Вместе с распахнувшейся дверью в комнату хлынула вода, а на гребне волны показалась испуганная женщина в белом сарафане. Она что-то кричала и пыталась схватить близнецов за шкурки, но они ловко увернулись и нырнули в разные стороны. Тогда она схватила девочку – ту самую, которая все время их фотографировала, и, потеряв среди устремившихся к центру комнаты стульев сумку, стала прямо каблуком выбивать окно, которое скрылось под водой уже наполовину. Женщину вместе с девочкой утянуло в разбитое окно, а в музыкальной комнате завихрился между тем настоящий водоворот – близнецы были довольны, клоун их не обманул, только самого клоуна видно не было, а все остальные кричали как сумасшедшие, барахтались и страшно мутили воду. Из-за чего невозможно было разглядеть подводных рыбок, только чьи-то ноги мелькали перед глазами. Но потом, когда вода прибыла, все сразу успокоились, стали плавать тихо и степенно, не мешая близнецам исследовать подводные глубины.

* * *

Карина с Альбертом познакомились только сегодня утром, на палубе. И Карина сразу поняла, что влюбилась, как в кино, с первого взгляда. Двенадцатилетний Альберт выглядел очень красиво, по-взрослому: обалденно улыбался, подавал девочкам руку, когда они спускались или поднимались по лестнице, покупал им с Милой чипсы... Они все втроем весело болтали, вспоминая школу и передразнивая учителей, а Карина мечтала только об одном: чтобы эта Мила куда-нибудь свалила... Тогда бы она смогла определить точно, так ли Альберт относится к ней, как она к нему, или это у него воспитание проскальзывает, обязывающее одинаково хорошо относиться к женскому полу. Уединиться не получалось. Мила уходить не собиралась, ей явно тоже понравился Альберт, а сзади постоянно преследовал родительский конвой: посередине парочка – родители Альберта, по краям мамы Карины и Милы. Осматривая эти скучные развалины древнего города, они вели еще более скучные разговоры про учебу и периодически громко удивлялись, когда выяснялось, что в какой-то из трех школ, где учатся их дети, поборы выше, чем в двух других.

– У нас 500 рублей ежемесячно берут в фонд школы и 500 – в фонд класса, – рассказывала мама Карины.

– Ужас! Ужас! – восклицали две другие мамы. – И это называется бесплатное образование!

– А кто вас заставляет платить? – басил папа Альберта. – Не платите – и все! Сами развели эту катавасию с поборами... Сами приучили учителей к подаркам дорогушим. Вот и получайте, чего теперь жаловаться?!

«До школы еще пол-года, а они все никак не успокоятся», – думала Карина, втайне питая надежду, что какая-нибудь из достопримечательных развалин древнего Болгара заманит всех родителей под свои своды и они сумеют от них оторваться. Но увы...

Оторваться удалось только после обеда. Альберт сам подошел к Карине и позвал ее в музыкальную комнату. Краем глаза Карина заметила, что за ними сорвалась и Мила, но задержалась, получая какие-то наставления от матери. Мгновения оказалось достаточно, чтобы они завернули за большой белый рояль и оказались там как бы наедине друг с другом. Это было замечательное чувство. Мила их не видела, хотя и искала глазами. Альберт держал Карину за руку – она даже и не надеялась, что такое возможно в принципе. Альберт говорил что-то приятное, она лишь улыбалась, глядя в его глаза – бездонные, как синий океан... Океан вдруг перевернулся и накрыл их сверху куполом, будто небо. Восхитительное чувство! На какие-то секунды все пришло в движение, все завертелось, закружилось, а потом запузырилось и успокоилось.

Держась за руки, они плыли вокруг рояля, глядя вверх, на облака. Это перевернувшееся, образовавшееся из океана небо стало очень романтичным, особенно ночью, когда на нем высыпали плавающие звезды. А потом, когда звезды потухли, их место заняли цветы – много красивых цветов – отдельных и сплетенных в венки. Над цветами Карина увидела маму, склонившуюся над водой, и пригнула голову, чтобы остаться незамеченной, – так хотелось побыть еще немного с Альбертом наедине, без надзора взрослых.

Мама плакала, стараясь разглядеть что-то под толщей воды, плакали и другие незнакомые люди, стоящие рядом с ней на палубе какого-то корабля. Родители Альберта тоже здесь были.

– Чего они плачут? – спросила Карина у Альберта.

– Не знаю, – ответил он. – Эти родители всегда такие странные. Они думают, что если мы хоть на две минуты остались без них, то с нами обязательно должно что-то плохое случиться...

И они засмеялись, продолжая прятаться под крышкой рояля.

* * *

Близнецы выплыли из музыкальной комнаты и отправились в каюту – бабушек не было. Они поднялись на палубу и нашли их там: обнявшись, бабушки покачивались около стола, будто привязанные лодки. Сумка бабушки Арины зацепилась за ножку перевернутого стула, не давая им уплыть далеко. Бабушки улыбались, глядя на внуков, а внуки показывали им собранные на дне ракушки и камушки...

По палубе, собирая по ходу движения разбросанные вещи, среди которых близнецы увидели и рыжий парик клоуна, плыл какой-то незнакомец в белых одеждах, развевающихся как паруса. Он ободряюще улыбался всем и звал за собой. За ним уже тянулись вереницей дети из музыкальной комнаты в сопровождении клоуна с длинными светлыми девичьими волосами, тетенька, которая играла на рояле, какие-то мужчины и женщины...

P.S

...Женщина в белом сарафане вынырнула на поверхность, с жадностью глотая воздух и отфыркиваясь, как собака. Одной рукой она держала за волосы Милу, которая не подавала признаков жизни. Оглянувшись по сторонам, женщина увидела невдалеке какой-то предмет и поплыла к нему. Это было бревно – большое сучковатое сосновое бревно, на таком не далее как в прошлые выходные они всей семьей плавали – дурачились, купаясь на Карьере – в озере Изумрудном...

Кое-как закинув дочку на бревно, которое крутилось и вертелось под ней, норовя выпрыгнуть, придерживая его за сучки, женщина осмотрелась еще раз: берег синел где-то очень далеко, и вообще берег ли это, определить наверняка было невозможно. С неба лил дождь, выл холодный ветер, жара, от которой все изнывали с утра на древних развалинах, улетучилась куда-то безвозвратно. Вокруг не было ни души, помощи ждать неоткуда, и женщина, толкая перед собой вертлявое бревно, поплыла вперед, ведь не море же безбрежное вокруг – всего лишь река Волга, хоть и самая широкая река в России.

Часть 2. Грехи

10.07.2011, 16:56

«РОССИЯ 24»: «Водолазы, обследующие затонувший в Куйбышевском водохранилище Волги теплоход «Булгария», добрались до нижней палубы, где расположены детская комната и музыкальный салон. В этих помещениях за считанные минуты до катастрофы собрали детей на развлекательное мероприятие. Там могут находиться до 50 тел погибших малышей, спасатели начинают поднимать их на поверхность. Сведения от группы водолазов поступают в оперативный штаб МЧС, власти Татарстана передают их журналистам. Премьер республики Ильдар Халиков сообщил, что численность погибших детей уточняется. А начальник пресс-службы Главного управления Центра обеспечения деятельности Федеральной противопожарной службы Татарстана Марат Рахматуллин пояснил, что достоверная информация появится только после того, как все тела поднимут».

11.07.2011, 19:00

ИТАР-ТАСС: «Более трети пассажиров «Булгарии» были несовершеннолетними. На затонувшем в Волге теплоходе «Булгария» было как минимум 52 туриста в возрасте до 18 лет. Об этом свидетельствуют списки, размещенные на сайте Ростуризма. Даты рождения нескольких туристов в списках ведомства не значатся. Большинство несовершеннолетних туристов, находившихся на теплоходе, 1999 года рождения. По последним данным, опубликованным на сайте ведомства, всего на «Булгарии» путешествовало 148 туристов, 22 члена экипажа, 12 ресторанных работников, четыре сотрудника турбригады и два неустановленных лица – всего 188 человек. Спасены 84 человека, большинство из которых взял на борт оказавшийся рядом теплоход «Арабелла». Судьба 105 человек уточняется».

11.07.2011, 19:57

ИНТЕРФАКС: «Тела детей, которые находились на детской развлекательной площадке «Булгарии», могут быть подняты только с помощью судов, оснащенных подъемными кранами, сообщил Интерфаксу в понедельник источник в спасательной группе. «Водолазы обследовали судно, и от 30 до 40 тел детей находятся в трюме, где была сооружена детская комната с песочницей. Именно туда детей отвели для развлекательной программы незадолго до того, как произошла трагедия», – пояснил собеседник агентства. При этом он добавил, что к трюму не могут подобраться из-за «очень сильного течения в этой акватории». «Поэтому будем ждать два судна с кранами, которые вышли, – одно из Волгограда, а другое – из Нижнего Новгорода, для подъема корабля, и только тогда можно будет попасть в трюм и извлечь тела детей», – подчеркнул собеседник агентства».

Глава 1. Портрет блудницы

Вернувшись из речного порта, Игорь Валентинович выпил залпом стакан водки и упал на диван. Пронзительный звон в ушах, сопровождавший его с момента крушения теплохода, не прекращался ни на секунду и не давал ни на чем сосредоточиться. Он лежал один в пустой квартире и вот только сейчас, когда водка горячей волною накрыла ненавистный звон, приглушив его, осознал, что мечтал об этом диване целую неделю. Всю нескончаемую неделю, которую гостила в доме толпа шумных родственников жены из Самары во главе с громогласной тещей. Чтобы как-то развлечь эту разношерстную компанию, наполовину состоящую из галдящих детей, он взял всем путевки на теплоход, теща себя надеждой, что после возвращения до поезда у родственничков останется лишь полдня, а там, после того как поезд скроется за поворотом, он в тишине развалится на своем любимом диване перед телевизором на долгих четыре часа. Именно столько времени жена будет пересказывать теплоходные впечатления соседке, а дети – играть с соседскими в компьютерные игры. На секунду он представил, что все оно так и случилось уже, час наслаждения настал, и потянулся за пультом – телевизионные новости враз развеяли иллюзии. Все каналы передавали одно и то же: «Теплоход «Булгария» затонул в водах Куйбышевского водохранилища у деревни Сюкеево... Спаслись 70 человек... 8 тел опознаны... Остальные числятся пропавшими без вести... Спасательные работы ведутся круглосуточно...»

Игорь Валентинович выключил телевизор и невидящим взглядом уставился на портрет прародительницы своей жены – Елена Семеновна смотрела на него надменно и бесстыже. Портрет был когда-то рисованным, потом искусно подретушированным, спрятанным под стекло, обрамлен в старинную рамку и выглядел вполне презентабельно. Дама, изображенная на нем, по рассказам, приходилась прапрабабкой теще Игоря Валентиновича и великой и неугомонной грешницей, страстно охочей до мужского полу. Тесть Игоря Валентиновича жутко не любил этой родственницы, хотя подолгу, бывало, выпив, тарачился на ее декольте.

– Все сгинете из-за нее, из-за блудни, – изрекал он глубокомысленно, воздев к небу палец, допивая последнюю рюмку настойки и почти уже направляясь в сторону спальни. – Потому что все вы – бабье бесовское племя – все вы в нее, все на одно лицо, все – родня и блудня! Все – до седьмого колена!

Тестя подхватывали под белы ручки и, преодолевая его пьяное слабеющее сопротивление, вели спать. И долго еще из-за дверей спальни изрыгались проклятья в адрес дамы с портрета.

Теща же, а потом и жена, напротив, просто гордились и упивались историями про свою прапрапрабабку (никто никогда не мог точно сосчитать всех «пра-», поэтому каждый добавлял их количество по желанию). Истории пересказывали друг другу, подругам и соседкам. Не очень-то вслушивавшийся во всю эту ахинею Игорь Валентинович тем не менее не переставал удивляться, откуда берутся такие бесстыдные, на его пуританский взгляд, подробности, ведь если верить теще, дамы с портрета не было на свете чуть ли не лет двести. Но женщины всегда отбрыкивались от его расспросов шутками-прибаутками: мол, передавались эти подробности из уст в уста, из поколения в поколение, дошли до наших времен...

Теперь, оставшись в желаемой тишине и одиночестве, наедине с тещиной прапрабабкой и ее бесстыжим взглядом, раздевающим и прожигающим его мужское естество насквозь, Игорь Валентинович вдруг стал вспоминать обрывки историй, иногда доходивших до его слуха, и впервые, как покойный тесть, произнес: «Все сгинете из-за нее – из-за блудни!»

Он выпил еще водки и с трудом отвел от прародительницы взгляд. Отвел и опустил его на стол, где среди опавших лепестков роз, утопающих колючими стеблями в прозрачной вазе с мутноватой водой, лежала книга японского писателя Рюноскэ Акутагавы с загнутаой посере-

дине страничкой. Ее читала жена перед отъездом, она давно под села на японскую литературу, страсть к которой наполнила их дом кучей всяческих японских безделушек: статуэток, вазочек и маленьких растопыренных деревьев в горшочках. Игорь Валентинович прочел первое попавшееся: «В бушующем пламени и дыму, истязуемые адскими слугами с бычьими и конскими головами, люди судорожно мечутся во все стороны, как разлетающиеся по ветру листья. Там женщина, видно, жрица, подхваченная за волосы на вилы, корчится со скрюченными, как лапы у паука, ногами и руками. Тут мужчина, должно быть, какой-нибудь правитель, с грудью, насквозь пронзенной мечом, висит вниз головою, будто летучая мышь. Кого стегают железными бичами, кто придушен тяжестью камней, которых не сдвинет и тысяча человек, кого терзают клювы хищных птиц, в кого впились зубы ядовитого дракона – пыток, как и грешников, там столько, что не перечесть...»

– Ад... – понял Игорь Валентинович, хотя поначалу было его посетили мысли о белой горячке. – Ад, преисподняя... – прошептал он. – Они все попали во второй круг ада – за грехи этой старой блудницы. А степень мучений в аду адекватна вине грешника... – бормотал он что-то давно читанное и забытое.

Он вспомнил красивое улыбающееся лицо своей жены... Такое же, будто скопированное, лицо дочери... Алебастровое, перепудренное до неприятного потустороннего эффекта лицо тещи – стареющей, но все еще видной матроны... Лицо младшего сына, не похожего на родню жены и радующего этим фактом и фактом продолжателя рода своего отца. Лица такой же по составу семьи брата жены тоже улыбались ему, оборачиваясь, – все друг за другом поднимались по трапу «Булгарии»... И все теперь в преисподней, заплакал он, пьяно всхлипывая, – все, кроме него самого. Потому что только он, единственный из этой веселой компании супружеских родственников, не потомок великой блудницы Елены Семеновны, он не отвечает за грехи ее молодости, и он уцелел.

Но что значит «уцелел», когда ад для человека иногда начинается и во время земной жизни, если уходят все, кого любишь? И Игорь Валентинович запустил опустевшей бутылкой в проклятый портрет на стене.

Глава 2. Под облаками

– Вот где он, скажи на милость, где он, твой любимый и единственный? Ненаглядный и неповторимый? – вопрошала меж тем не без издевки стареющая матрона Ольга Денисовна, возглавляя плавучую прогулку родственников по палубе «Булгарии». – Мы все вместе, и мы все рядом, а его как всегда нет!

Дочь снисходительно улыбалась, не обращая внимания на привычное брюзжание матери. Она, подобно курице-клушке, была рада, что все родные и любимые здесь, с ней, все вместе, под ее крылышком, а муж – он взрослый и сильный, он не пропадет, он просто чуть-чуть отстал от толпы всегда очень шумных и немного поднадоевших родственников, отошел покурить и насладиться тишиной.

...Откуда-то сверху, с неба, сквозь отражающиеся в воде облака, стали сыпаться в воду цветы и игрушки. Чьи-то незнакомые лица смотрели на них сквозь толщу воды, и иногда она чувствовала вкус соленых слез губах. Галина вглядывалась в эти лица с непонятной для себя надеждой увидеть среди них лицо мужа, и ей даже показалось, что оно мелькнуло среди прочих – родное и любимое. Этот факт ее несказанно обрадовал: она не понимала почему, но то, что он там, над облаками, а не здесь, под ними, наполняло счастьем ее ставшее вдруг прозрачным, как небо, и булькающим, как аквариум, сердце. Его присутствие наверху радовало даже больше, чем то, что все остальные здесь, рядом. Она улыбалась ему и желала счастья. Она видела, как он что-то бросил вниз, к качающимся на волнах цветам. Сквозь облака, переливаясь в лучах играющего с волнами полуденного солнца, быстро спустился к родственникам портрет загадочной блудницы Елены Семеновны.

* * *

– Уникальный случай, Господи, – льстиво делилась наблюдениями, созерцая опускающийся на дно застекленный портрет, Черная Тень с веером. – То столько десятилетий ни одного грешника к нам не попадало из этих – Бургановых, то сразу все семейство приплыло до седьмого колена. Род отмучился, род прекратился, – глубокомысленно подвела итог сказанному Тень.

– Да, отмучились, – согласился Всевышний, поднимая портрет, приплывший прямо к его ногам. – Можно было подождать еще лет несколько, чтобы восьмое колено успело у них народиться, но ведь за ней, – он потряс портретом перед носом собеседницы, – как ты помнишь, не только блуд. И не только на втором круге она у тебя пребывает все это время.

Глава 3. Святая русалка

В глубине Самарской области, недалеко от деревни Тростянка, близ дороги, ведущей к самым ягодным в этих краях лугам, есть озеро под названием Святая Русалка. Красивое озеро, заросшее по берегам вековыми ивами, с зеленой до изумруда водой, давнее-давнее, со своей историей. Много про него чего интересного рассказывают древние бабки, которых мало кто из молодежи слушает, потому что молодежь сейчас вся неместная, нетростянская, приезжая из Самары на выходные или на каникулы сюда отдыхать. Однако запрет на купание в этом озере чтут все любовники, потому что бывало тут всякое. Потому что и по сей день в этом озере случаются странные вещи, очень похожие на те, что происходили здесь много лет назад...

...Дочь купца первой гильдии Арутюнова красавица Елена замуж будто и не торопилась вовсе. Многие к ней сватались, позарившись на такие-то отцовские миллионы, но при отказе сильно не настаивали – будто узнавали что-то про нее такое, с семейной жизнью несовместное. Злые языки поговаривали, что никто эту богатенькую красотку замуж не берет по причине ее необузданной любви к противоположному полу. Арутюнов парочку злых языков изловил, и при одном упоминании о страшных пытках, которые купец обещал им устроить, они рассказали, откуда дурная слава про его дочь пошла. От художника, который пять лет назад рисовал с Елены портрет да позволил себе вольность: приличный-то портрет продал купцу, и украшал он теперь его столовую. А еще один, оставив в нем только Еленино прелестное личико, размножил, снабдив самыми непристойными эротическими прелестями, подробностями и одежками, призванными соблазнять одним своим видом игроков в карты, на которых он эти портретики и намалевал. Карты пользовались большим спросом в Самаре, и лик купеческой дочери прочно связался и у игроков, и у женихов с образом распутной женщины. Конечно же, художник Арутюновым был пойман, и принял он от руки купца при полном попустительстве надзорных органов страшную смерть, но изъять все растиражированные колоды оказалось делом невозможным. Поэтому купец не стал сопротивляться, когда дочь нашла себе самого бедного жениха – конюха из их имения в Тростянке, к тому же моложе ее на десять лет.

После свадьбы молодые поселились в Тростянке. Арутюнов отдал дочери шкатулку с семейными драгоценностями, помог построить дом, подарил большую супружескую кровать с шишечками на гнутых спинках. Целую подводу подушек на гусином пуху снарядил от своего дома до Елениного... Она взбила их. Сложила горкой на кровати, накрыла белой, вывязанной кружевными морозными узорами накидкой, – отошла, полюбовалась на дело рук своих. Опять все разобрала и сложила по новой – теперь осталась довольна. В буфете полукругом расставила стопки, на другой полке – матушкины сахарницу и вазочки. На полу расстелила яркие половики-дорожки. На подоконниках – герани в горшочках. В передний угол на полочку поместила икону. В такой красоте конюх Павел еще никогда не жил. Аж оробел, когда вошел, присел на краешек табуретки, отер пот со лба:

– Как ты тут все, Олёна, прибрала красиво-то! – восхитился.

– Теперь так будет всегда! – пообещала жена. И обманула: так было только год. Потом чаще – кувырком, потому что родила Елена Павлу восемь сыновей и порядка в доме после первенца больше не видели. Как и достатка. До Арутюнова таки добралась Советская власть, которую в Тростянке долго не знали в лицо.

Он умер с горя очень быстро прямо на крыльце, где три дня просидел в переживаниях после бандитского, как он выразился, налета красноармейцев на его имение. Иногда поворачивался, смотрел через разломанную дверь на перевернутые шкафы, расколотые горшки, вздыхал, отворачивался, опять вздыхал – так и умер сидя.

А потом, уже много позже, Павла Елена проводила на войну. Пешком шли вдвоем до Хилкова – 15 верст. Завернули по дороге к озеру, искупались. Домой она вернулась на следующий день.

– Как там папка-то? – спросил старший Иван, обрадованный, что мать наконец вернулась, всучивая ей беспокойного мальчика.

– Нет больше у вас папки, – сказала Елена и, спустив сына на пол, устало повалилась на кровать.

– Как это нет? – удивился Иван. – А где ж он?

– На войне он, – глухо ответила Елена и отвернулась к стене.

Проспала до вечера. Когда проснулась, наварила чугунок картошки, намыла огурцов с огорода, собрала всех вокруг стола. Ужин сыновья проглотили вмиг.

«Вот и осталась я одна с кучей вечно голодных мальчишек», – подумала Елена. А вслух сказала:

– Вот и остались мы одни. Будете ли мне помогать? Выживем ли?

– Выживем, матушка, – сказал Иван. – Мы все будем тебе помогать.

– Ну, тогда спать, спать идите, – улыбнулась Елена, погладив его по вихрам. – А я приберусь тут немножко.

Когда в доме все стихло, она присела перед окном. С портрета под образами, освещенный лунным светом, смотрел на нее Павел – молодой, красивый. «И мертвый», – прошептала она. И усилием воли втянула назад выкатившуюся было из правого глаза слезу. Колючий комок в горле тоже проглотила, запила ледяной водой из ковша, аж зубы заломило – отвлекло на минуту от дум горьких.

Она вспомнила, как он приходил к ней свататься – молодой, красивый, в драных штанах.

– Штаны сначала заштопай, жених! – посмеялась только.

И новые его штаны – сатиновые в синий цветочек, из сестринской юбки пошитые, в коих пришел к ней на следующий день с тем же предложением, тоже вспомнила – улыбнулась. Сразу тогда он ей понравился – голубоглазый, в этих синих цветочках, будто его и ждала всю жизнь.

Отец отговаривал тогда ее от свадьбы. Не из-за бедности жениха, а из-за возраста его:

– Слишком молод он для тебя, Елена! На десять, почитай, годков моложе. Начнет за девками бегать – знаю я их кобелиную породу – наплачешься!

– Не будет! – уверенно отвечала Елена. – Не позволю. Да и любя я ему, видно же.

– Это сейчас любя, а потом... Все они, мужики, одинаковы.

– И ты матушку не любил после свадьбы? – спросила она строго, изогнув дугою правую цыганскую бровь. – Только не ври мне сейчас!

– Я? Что ты! Что ты! – замахал руками Арутюнов. Но вдруг стух, смутился: – Но мысли гулящие были, признаюсь. Заглядывался на других. Но не успел, слава богу, огорчить матушку твою до смерти до ее. А после смерти-то – как отрезало, никого мне не надо стало... Но за тебя я тревожусь, не доверяю мужу этому. Больно уж юн. Больно юн, Еленушка.

– Не надо, батюшка! – остановила она отцовские причитания. – Я с ним справлюсь. Я же вся в тебя!

Что не справилась с Павлом, Елена узнала месяцев за семь до рождения младшего сына. Ошутив как-то с утра знакомую тошноту у горла, она прислонилась спиной к печке, посмотрела на образа и стала молить Деву Марию о дочери. Молитвы нарушила тростянская сплетница бабка Серафимовна. Охая и отфыркиваясь, она ввалилась в дом и, обмахиваясь лопухом, попросила у Елены воды. Напилась, громко сглатывая и сверля из-за ковша Елену глазами.

– Отдыхашь? – спросила она.

– Обед вот стряпаю, – ответила Елена, поморщившись при слове «обед»: тошнота опять подкатила к самому горлу, едва не выплеснулась наружу – муторно стало, противно.

– А-а-а! Вон оно што! – закатила глаза к небу Серафимовна. – А твой-то где?

– В поле, – ответила Елена и тут же поняла, что чего-то недоброе принесла на хвосте старуха. – Чего пришла, говори быстро?! – потребовала, повернувшись к ней резко.

– Да я ничего, – завияляла хвостом Серафимовна. – Я просто так зашла, проведать. И Санька твой вон опять гусей моих гонят вдоль дороги – как же им жир-то нагуливать, когда он их гонят с утра до ночи...

– Говори, чего пришла? – склонилась над ней Елена, статная и сильная. – Или иди, откуда пришла!

– Не больно-то гостям рада ты, Елена, – сказала, поднимаясь с табуретки, Серафимовна, – а я ведь как лучше хотела – предупредить. Уж все знают... Вся деревня кости им перемыват. Вон ни стыда у него, ни совести, ни благодарственности никакой... Жена с детьми да с коровой целый день тягается, а он с Веркой на Русалочьем озере прохлаждается... – И старуха растворилась за дверью, как и не было ее вовсе.

Елену будто кипятком ошпарили. Она вспомнила Верку – молоденькую девчонку с дальней стороны деревни, есть ли ей шестнадцать-то? Не могла припомнить точного возраста Елена. Зато помнила, как смеется задорно, какие ямочки на щеках, какая коса у нее жгучая черная прыгает по спине – извивается, будто живая...

Елена подошла к маленькому замутненному зеркалу, висевшему под образами, удивилась своему отражению. Какая-то измученная немолодая баба стояла перед ней – растрепанная, бледная. С выцветшими ресницами, лицо усыпано веснушками от солнца. Взгляд усталый, как у побитой собаки. Она сравнила свое отражение с большим досвадебным портретом, висевшим тут же, на стене, – как два разных человека, непохожих даже.

Схватив платок, Елена помчалась к озеру. Старуха была права: раздвинув ветви плакучей ивы, она увидела картину, которая во все времена начинала новый отсчет жизни в женском естестве. Елена едва удержалась на подкосившихся вмиг ногах. На траве, обнявшись, лежали двое: ее Павел и та самая Верка-разлучница. Черная расплетенная коса разметалась по траве, по ней ползла крупная божья коровка...

Елена разделась и, прячась за ветвями ив, тихонько ступила в озерную воду, охладила пылающее тело, поплыла в заводь. Там воронка, омут черный, туда страсть как захотелось нырнуть, скрыться, уйти навсегда... Пока плыла, желание утопиться сменилось другим, более праведным на тот момент. Она заметила, что Верка, отделившись от Павла, поспешила к воде. Не стесняясь, скинула с себя одежду и, ослепив бесстыдно своими прелестями на миг и Елену, и Павла, плюхнулась в воду. Завизжала, разбрызгивая ее, и погребла быстро-быстро, по-собачьи, в сторону Елены – к омуту. Павел тоже начал раздеваться на ходу, да запутался в штанах. А когда выпутался, Веркиных зазывных взвизгов слышно уже не было. Напрасно он искал ее и на суше, и на воде, нырял и подныривал под коряги – девушка как в воду канула. В нее она и канула...

Пришел он домой под вечер – мокрый и серый, места себе не находил, сел за стол, долго бултыхал ложкой во щак, блуждал глазами по столу, теребил руками скатерть...

Елена молча наблюдала за ним в зеркало, тихонько отжимая на пол все еще мокрую свою косу. Лужица не успевала наполняться – вода утекала в щель, в подпол, на проросшую прошлогоднюю картошку...

– Я справилась с ним, батюшка, – сказала Елена ночью, глядя в окно и вспоминая доброе отцово лицо. – И с ней я справилась, больше она мне не угроза, – добавила она. И, повернувшись к образам, горячо прошептала: – Не надо мне девочку, Господи! Пусть родится мальчик!

С той поры Елена частенько навевывалась к озеру. И открыла для себя много интересного. Оказывается, не только Павел облюбовал это живописное местечко для любовных утех. Многие тростяньские полюбовнички здесь прелюбодействовали, и хилковские возили сюда на лошадях молодых распутных девок. И Елена, ослепленная мстительным гневом, не ведая ни страха, ни жалости, частенько заплывала в свою заводь и наблюдала оттуда за происходившим

на берегу. А любовники недосчитывались то одной, то другой особо страстной своей половинки. И скоро за озером закрепилась дурная слава: мол, не зря озеро Русалочьим зовется – живет в нем русалка, которая прямо со дна озерного наблюдает и распознает, кто кому на его берегу изменяет. И самого виноватого утягивает к себе на дно. Поначалу, расположившись на бережку, все только посмеивались над этой озерной историей – утопленника-то ни одного ведь не нашли. Потом, расхрабрившись от самогонки да от безнаказанной воровской любви, в воду кого-нибудь тянуло обязательно...

А Елену частенько видели простоволосой у себя на огороде – она сушила волосы на солнце. И только старуха Серафимовна, всегда умевшая проводить нужные параллели, впервые боялась озвучить свои догадки: зеленые, русалочки, как озерный омут, глаза Елены, какими она пригвоздила ее язык к небу в день, когда в деревне узнали, что Верка не вернулась с озера, не давали ей покоя...

P.S. P.S...

...С неба лил дождь, выл холодный ветер, жара, от которой все изнывали с утра на древних развалинах, улетучилась куда-то безвозвратно. Вокруг не было ни души, помощи ждать неоткуда, и женщина, толкая перед собой вертлявое бревно, поплыла вперед, ведь не море же безбрежное вокруг – всего лишь река Волга, хоть и самая широкая река в России.

...Толкая перед собой вертлявое бревно, на котором лежала мокрая и окоченевшая Мила, Оксана старалась не думать о нескончаемости этой холодной ветреной ночи. Вспомнила вчерашнюю жару в древнем Болгаре, желая пропитаться ею до костей и согреться, молила небо о рассвете, чтобы хотя бы видно стало, куда плыть. Еще молила о том, чтобы дочка выжила: доплыть бы до берега и положить ее на песок – и можно умирать, люди найдут ее, в этом Оксана была уверена. Людей на суше много, особенно днем, особенно летом, особенно у реки... Женщина старалась бултыхать ногами, но их уже не чувствовала, плыть помогала себе руками – гребла то левой, то правой, отчего бревно двигалось зигзагами.

Часть 3. Замены

11.07.2011, 20:56

ИТАР-ТАСС: «Один человек, числившийся в списках пассажиров теплохода «Булгария» и считавшийся выжившим после крушения, купил путевку, но не отправился в поездку из-за болезни, соответственно, число спасенных составляет не 80, а 79 человек, сообщает в понедельник МЧС по республике».

11.07.2011, 22:15

РИА «НОВОСТИ»: «МЧС Татарстана привело уточненные данные о пассажирах затонувшего теплохода «Булгария»: всего в списках 209 человек, из них на борту находились 205 пассажиров, четверо в круиз не отправились. Согласно списку на «Булгарию» находились 205 человек, из них 23 незарегистрированных пассажира. По всем незарегистрированным проводится уточняющая работа».

Глава 1. Борис¹

Борису, привыкшему жить в холе и в лелее, не спалось сегодня и даже не лежалось. Ни на мягких подушках, ни на диване... Не елось и не пилося. Сон не справлялся со своим делом, аппетит дремал. Деликатесы, красиво разложенные по тарелочкам, тухли самым преступным образом, а мысли в голове пухли. Все его естество терзала необъяснимая тревога. К тому же кругом царила суматоха, нарушавшая утонченную тишину его полуденного отдыха, – Алиса собирала сумку, совершенно не считаясь с его режимом дня. Возможно, в спокойном состоянии он бы удивился такому ее поведению, но о спокойствии не было и речи. Когда же, не выдержав внутренних и внешних терзаний, он, издав какие-то гортанные звуки, завыл и начал бегать вокруг нее кругами, Алиса посмотрела на него с укором:

– Прежде чем так пугать людей, хотя бы предупредил, что ты не в себе, животное!

Борис пристыженно сел на диван и сделал большие жалостливые глаза, которые всегда вызывали в женщинах желание пожалеть и приласкать противоположный пол. Но Алисе было не до чьих бы то ни было глаз – она возилась с сумкой, неистово запихивая в ее недра полквартиры, не желающие уместиться в такой тесноте. Борис чувствовал, что если она сейчас уйдет из дома с этой сумкой, то он ее больше не увидит. Никогда. Он пытался ей это сказать, но она не была настроена слушать. Она была настроена закрыть незакрывающуюся сумку, и она ее закрыла. А потом, потрепав Бориса за щеку, направилась к двери, бросив небрежное:

– Не скучай, буду послезавтра.

И тогда Борис пошел на крайние меры – он грохнулся на спину со стуком, которому позавидовал бы откормленный ротвейлер, высунул язык, закатил глаза и часто-часто задышал, худея и усыхая на глазах.

– Что с тобой, Борюсик? – испугалась Алиса и заметалась по комнате, бросив у порога злосчастную сумку.

В дверь требовательно позвонили, а потом начали нетерпеливо барабанить и даже стучать каблуками. Борис знал – это была Алисина подружка Гуля, с которой они собрались в двухдневный круиз по Волге. Ввалившись в квартиру, нетерпеливая девица начала было ругаться, но, увидев умирающего Бориса, проглотила свой гнев.

– Гуль, я не поеду, что-то с Борисом... – простионала Алиса.

– Давай я тоже не поеду, – в тон ей застонала Гуля, присаживаясь перед Борисом на корточки. – Чего я там одна буду...

– Гуль, ты поезжай, поезжай. А я уже и ветеринара вызвала. Поезжай. – И Алиса быстро и нервно вытолкала подружку за дверь.

Ветеринар подъехал только через сорок минут, ссылаясь на пробки и величая Алису мадемуазелью. И это ничуть не огорчило Бориса: чем дольше эти врачеватели вошкаются, тем больше шансов задержать Алису дома. Сама же Алиса ужасно нервничала, ежесекундно подбегая к Борису, осторожно глядя его по голове и заглядывая в глаза.

– Странно, – сказал врач, не обращая внимания на возмущения хозяйки относительно его долгого ожидания, за время которого можно умереть даже простому уличному коту, не то что породистому абиссинцу. – Очень странно...

Мокрый нос, лоснящаяся шерсть и ровное сердцебиение пациента говорили ему, что тот скорее жив, чем умирает...

– Очень странно, – повторил он, бесцеремонно вертя больного так и этак.

---

¹ Глава вышла как отдельный рассказ в книге Алисы Котовой «Казанские кошки».

– Да что странного-то? – не выдержала Алиса, которая еле сдерживалась, чтобы не стукнуть ветеринара вазой с герберами, подаренными ей накануне невнятным поклонником. Издержки воспитания порой слишком подавляют простые человеческие реакции.

Доктор пытливно заглянул в желтые кошачьи глаза и все понял: долгое общение с подобными индивидуумами научило его читать мысли братьев меньших.

– Да-а, если это не воспаление хитрости... – пробормотал он и добавил громче: – ...то это аллергия, мадемуазель. Чем кормите? Копчености, смотрю, колбаски со стола, – кивнул он на фарфоровые тарелочки, расставленные на полу. Исключить! Строгая диета! Только специальный сбалансированный кошачий корм.

– Да это я уехать хотела на два дня... – виновато прошептала Алиса сразу забыв про вазу и про герберы.

– Никаких отъездов, а тем более уездов, больному нужен постельный режим и круглосуточный уход. И укольчик сейчас сделаем. Маленький, – добавил он, обращаясь к коту, вздрогнувшему от такой перспективы. – Очень маленький. Но очень лечебный – мертвого вылечит и на ноги поставит. На все четыре.

– Он не умрет? – с надеждой спросила Алиса.

– Ни боже мой! – отвечал ветеринар.

– Я думала, он умирает...

– Оптические иллюзии.

– Я так испугалась...

– Испуг полезен для надпочечников, – произнесли ей в утешение. – Послезавтра ко мне на повторный укол, – и Айболит, ловко сграбастав денежку за вызов со стола, растворился в дверном проеме.

После укола Борис заметно повеселел – прежняя абиссинская улыбка вернулась на его довольную рыжую морду, которую поклонники породы называют почему-то красно-коричневой. Знаменитая кошачья интуиция подсказывала ему, что он сделал большое доброе дело, и даже если только для себя – что с того? В конце концов, не одним же бойскаутам делать добрые дела!

А вечером с бутылкой шампанского нарисовалась верная подруга Гуля, с порога заявив, что путевки она вручила соседям-молодоженам вместо свадебного подарка, потому что одной ей ехать неохота.

Глава 2. Денница²

– Посмотри на этого абиссинца! – рокотал Всевышний. – Он обманул не только свою хозяйку, но и меня, подсунув вместо приговоренного на сегодня седьмого колена какое-то другое, незапланированное, может, и не седьмое вовсе.

– В восьмой круг его, в Злопазухи, в шестой ров, к лицемерам! – скандировала Черная Тень, демонстрируя перед Всевышним четкое знание своих владений, отделений и подразделений.

– Кого в Злопазухи? Кота? – Всевышний впервые посмотрел на Денницу, будто усомнившись то ли в ее профпригодности, то ли в трезвости мысли...

Черная Тень ступевалась и, чтобы скрыть это, завозмущалась суетливо, вскрикивая праведно и громко:

– Иногда эти коты просто лезут не в свое дело, мешают работать...

Черт знает что у них на уме!

– Раз ЧЕРТ ЗНАЕТ – тебе знать тоже не мешало бы! – Всевышний вовремя взял себя в руки, чувствуя, что опускается до непотребного в его всемогуществе ехидства, и продолжил более рассудительно:

– Кота оставляем в покое, а вот насчет тех, кто заменил на судне Алису с подружкой, полюбопытствуй: кто они, в чем грешны их предки и прочее необходимое...

«Мужчина должен встать, если входит женщина. Но это правило отменяется, если у него на животе сидит кошка...» – задумчиво процитировал что-то одному ему ведомое Непокорный Ангел.

– Уже все готово, – обдав Ангела могильным холодом, перебила Тень, услужливо зашепестев страницами, и прочла дикторским голосом, позаимствованным на время у ведущего телеканала «НТВ»:

– Хисамов Игорь Федорович 1992 года рождения и Хисамова Наталья Сергеевна 1993 года рождения, вступившие в брак 1 июля 2011 года, отправились в путешествие на теплоходе «Булгария»

10 июля 2011 года как незарегистрированные пассажиры, что само по себе уже является нарушением, но не по нашей части, к сожалению. По линии Хисамова Игоря в нашем мире во втором круге только блудники и прелюбодеи, причем уже второй заход. Седьмое колено данного рода по этому кругу отмучилось уже в 1947 году, сейчас мучается следующее, третье колено. По линии Натальи Сергеевны только жалкие души, не творившие при жизни ни добра, ни зла, которые у нас перед входом томятся – из тех, что «ангелов дурная стая»...

– Без графоманства, пожалуйста! – поморщился Всевышний.

– На счету самой Натальи есть один добрый поступок, – продолжила Тень, – она мужа от наркомании спасла своей любовью. Сейчас он не употребляет наркотики, уже целый год здоров и счастлив с молодой женой. В прелюбодействе после исцеления замечен не был.

– Обоих в рай, в Обитель Влюбленных, – распорядился Всевышний.

– Так ведь по линии мужа второй круг, он как четвертое колено проходит, – возразила Тень, потрясая мелкоисписанными листами. – У меня все по правилам!

– В каждом правиле бывают исключения, – остановил ее Всевышний. – Она ему дорогу в рай проложила. Не время им было умирать, пусть хоть в раю семейным счастьем наслаждаются.

Тень покорила, вздохнувши, хотя сама она мнения о райском счастье не разделяла. Бывала она в этом раю – тишь да благодать: небо сияет синевой, солнце – золотом, птички поют, бабочки порхают, трава зеленеет... Всем праведникам одинаково хорошо и вольготно. Тоска,

---

² Денница – в христианстве падший ангел, отождествляемый с Люцифером (дьяволом, сатаной).

одним словом. То ли дело в аду, где сложнейшая система кругов, поясов, рвов не давала ее мыслям пребывать в праздности, выявляя грехи и вычисляя, кого куда поместить на мучения.

А какие интересные попадались грешники! С какими грехами! Претендующие на пребывание одновременно в разных кругах, а то и поясах! Тень любила побеседовать с ними перед тем, как отправить на муки вечные. Многие пытались ее обмануть, заморочить мозги, чтобы облегчить себе участь в этом последнем из миров. Да так искусно у них получалось – заслушаешься. Только не вышло ни у одного – Тень улыбнулась – это вам не на земле начальство дурачить!

На фоне этих зловеще-плотоядных улыбок в разговор опять вступил Непокорный Ангел:

– Люди – такие странные существа, они разве не чувствуют приближения беды, как, например, животные?

– Увы, лишь немногие экземпляры, – отвечал Всевышний. – Но предупреждения посылаются всем: знаки, встречи, видения, сны... Каждый из этих пассажиров был предупрежден, и если бы они прислушались к интуиции, как животные, или к своему внутреннему голосу, как разумные существа, смогли бы избежать смерти. Вернее, получить продление жизни. Целый отряд ангелов работал над этими предупреждениями. Семейку близнецов, например, настойчиво приглашали в аквапарк и даже билеты подарили... Капитана хотели уволить, но он упрямил начальство дать ему сходить еще в один, последний, рейс... Вещие сны посылались многим.

Но только один человек из этой компании понял свой сон правильно.

Глава 3. Вещий сон³

Юля смеялась заливисто, громко, как могут смеяться только довольные и счастливые дети: ее рука запуталась в веревочной ручке от надувного матраса, и я волокла ее вместе с матрасом по пляжу – в Казанку Загорающие поднимали головы и с улыбкой наблюдали за нашим передвижением. Солнце палило нещадно, вода манила, и я уже предвкушала, как сейчас мы с Юлькой окунемся и смоем с себя эту мерзкую, липкую городскую жару... А заодно и утреннюю ругачку с мужем, которому я в порыве супружеской злости нажелала бог знает чего, вплоть до летального исхода на этой своей рыбалке... Вдруг резко и неожиданно нас накрыло огромной волной, поглотило, завертело и вытолкнуло на поверхность. Вынырнув, я инстинктивно вцепилась в ребенка, перевернула ее вместе с перевернувшимся матрасом и возрадовалась, что ее ручка запуталась в той самой веревке, иначе ее бы сейчас уже со мной не было. Юлька отфыркивалась, испуг сменился у нее восторгом: «Мама, еще!» – потребовала она. Убрав мокрые волосы со лба, я огляделась: пляжа не было, Казанки не было, загорающих не было, знакомой с детства картины – белых стен и башен кремля – не было... Дна не было тоже. Кругом вода, стремительно вместе с нами поднимающаяся вверх, к солнцу. Вода несла нас прямо на здание издательства, от которого осталось лишь каких-то пять этажей, вот уже четыре, три... Меня охватила паника. «Мама, еще! – заколотила ногами по матрасу дочка. – Еще хочу волну!» Мимо проплыл красочный резиновый детский круг и наполовину пустая пластиковая бутылка. Я схватила бутылку. В голове пронеслось: «В бутылку надо засунуть записку с нашими координатами и бросить в море. Ее найдут, потом найдут нас». Стоп! Какие координаты? Какое море? Мы в Казани, в центре города, рядом дом... Что вообще происходит? Всемирный потоп? Что делать?

Вода несла нас к дому. Впервые в жизни я обрадовалась, что живу на последнем этаже. Я видела этот этаж и еще несколько под ним, которые еще торчали одиноким остовом из воды. Как хорошо, что муж меня заставил закрыть окна на лоджии, они у нас пластиковые – воду не пропустят. А я еще с ним ругалась: и так жарко, а он закупоривает все, как старый дед... Перед глазами в секунды пронеслась картина поглощения лоджии седьмого этажа – поток воды ринулся в открытое окно, подмяв дико орущую кошку. На восьмом этаже, вытаращив от ужаса глаза, знакомый сосед пытался захлопнуть окна – не успел, волна унесла его вглубь квартиры. На девятом какая-то женщина, схватившись за сердце, с перекошенным лицом наблюдала, как вода поглощает пространство вокруг ее закрытого окна...

Наверное, я уже поседела. Я не могла ни понять, ни объяснить как-то происходящее. Юлька начала хныкать, почувствовав мое настроение. Надо что-то делать, что-то предпринимать. Но что? Я возблагодарила всех святых за надувной матрас, который сейчас держал нас на плаву. Я пыталась абстрагироваться от ужаса происходящего и решила пока не искать причин, из-за которых разразилась эта страшная катастрофа. Уговорила себя не думать о последствиях и не обращать внимания на тонущих... Я пробовала заставить себя найти выход, подумать, что можно сделать сейчас, чтобы не напугать и спасти ребенка, чтобы спастись самой... Вот мы медленно поднялись на водной толще до своего последнего этажа, посмотрели, что творится внутри, помахали ручкой очумевшему Барсику и оставили его любоваться подводным миром. Вода уже поглотила крышу, и, окидывая окрестности ищущим взглядом, я не могла зацепиться ни за что – Казани не было. Только одна сплошная водная гладь да какие-то вышки, одиноко торчащие вдалеке. Впрочем, вблизи тоже торчала какая-то антенна. Я подгрэбла к ней и ухватила рукой. Минут двадцать ровным голосом я рассказывала Юльке все, что помнила про Ноев ковчег, пытаясь придать своему повествованию побольше сказочных подробностей,

---

³ Глава вышла как отдельный рассказ в книге Алисы Котовой «Казанские кошки».

представляя нас героями. Потом вдруг заметила, что вода перестала прибывать, а Юля заснула. Я сняла верхнюю часть своего купальника и привязала его наш ковчег к антенне. Нижнюю часть пришлось тоже снять и положить ребенку на голову – солнце палило нещадно. Для прикрытия своей головы я выловила какую-то грязную картонку. Теперь можно сидеть здесь, на матрасе, посреди Казани в костюме Евы и думать над вечным вопросом: что делать? Полбутылки минералки у нас есть на первое время, а что дальше? Как выжить в этом открытом безбрежном океане с ребенком и стоит ли выживать? Только ли Казань затопило или вообще весь мир? Хорошо хоть, вода не холодная, как в «Титанике», а то бы мы замерзли, простудились и умерли... Хотя мы и так, наверное, умрем – сваримся под солнцем, околеем от голода. Я посмотрела на спящее дитя, и слезы сдавили горло. Может, лучше бы мы утонули сразу, как все остальные. Я стала вспоминать все фильмы про необитаемые острова – сравнения не получалось, там была земля и обязательные кокосы-бананы. Фильм про водный мир больше подходил к нашей ситуации, но там героем был сильный мужчина, к тому же в его распоряжении было какое-никакое судно, пища, а у нас лишь надувной матрас и даже ни одного солитера на ужин поблизости...

Мои размышления прервал подозрительный плеск. Я оглянулась и оберла: к нам плыл какой-то кот. Он перебирал лапками в воде по-собачьи, он торопился, он видел цель, он смотрел на меня с мольбой и надеждой, он видел в нашем надувном острове спасение! Я испугалась, представив, как этот обезумевший зверек сейчас вонзит когти в матрас и все мы втроем дружно пойдем ко дну... Не подпускать бедолагу к себе у меня тоже не хватало совести. Неподалеку маячила еще одна антенна, поэтому, когда кот приблизился на расстояние вытянутой руки, я схватила его за шкуру и, как Чапаев, гребя одной рукой, быстренько сплавала с ним к соседней антенне, где его и оставила. Почувствовав железную опору под лапами, кот не решился больше прыгать в воду и, покричав минут пять в мою сторону осуждающе, принялся яростно вылизывать шерстку.

* * *

Проснулась Юля. Значит, прошло два часа. Она всю жизнь спит ровно по два часа. Всю свою трехлетнюю жизнь. У меня опять закапали слезы: ребенок прожил всего три года на этом свете – за что ему такое испытание стихией? Юлька попила из бутылки, свесила ноги с матраса и начала бултыхать ими в воде. «Мама, хочу домой!» – заныла она. Сейчас захочет есть... Я посмотрела на кота. Тот завыл, задравши морду к небу... Как волк, которого рисуют в сказках.

К ночи стало холодать, кот высох и распушился. Его одинокий силуэт на фоне круглой луны навевал жуть. Я прижала к себе канючащую Юльку, стараясь согреть своим телом, и без усталости пела и пела ей песенки. Пока от усталости и голода она не уснула.

Утром нас разбудило солнце. Желудок требовательно урчал. Вода заметно спала и стала прозрачной. Мы могли ходить по крыше – вода была по щиколотку. Мы могли наблюдать, что творится внизу: на стоянке стояли машины, замедленно, как водоросли, колыхались ветви деревьев. На поверхности воды то там, то сям плавали трупы. Кругом была зловещая тишина, нарушаемая только капризным хныканьем голодного ребенка да мяуканьем охрипшего кота.

К обеду вода спала до пятого этажа. А на следующее утро только огромные лужи и мокрые стены домов напоминали о ней. Машины на стоянке стояли чистенькие. На земле валялся всякий хлам и лежали трупы – много трупов с распухшими лицами, в купальниках и в одежде. Что будет, когда все это начнет разлагаться на такой жаре? Я ходила голая по своему двору, держа на руках обессиленного ребенка, и заглядывала во все пакеты, подо все бумажки, кот семенил следом. Есть! В одном из пакетов я нашла большую запечатанную упаковку чипсов, два яблока, огурец и бутылку пепси-колы. Я присела на качели и покормила ребенка и кота. Пока они с жадностью ели, изучала дом – надо попасть в квартиру. Но как проникнуть через железную дверь с домофоном? Я набрала номер своей квартиры – тишина. Естественно, про-

водка промокла. Пришлось разбить стекло в окне первого этажа. Все втроем вместе с котом мы залезли в квартиру – воды по колено, с потолка капает. Стараясь не заглядывать в комнаты, в одной из которых плавало что-то большое и мохнатое, похожее на дохлую собаку, мы прошли к входной двери и выбрались в подъезд. В подъезде воды было меньше, на лифт рассчитывать не приходилось, наверх отправились пешком.

За нашей дверью истошно выл Барсик, и это было единственное радостное событие за последнее время. Наш новый кот прижал уши – я погладила его: «Не бойся, не бойся!» За ящиком для картошки я нащупала запасной ключ (изобретение мужа, который однажды не мог попасть в квартиру из-за того, что дверь захлопнулась). Дома было почти сухо. Вода капала, сочилась по стенам, но постель была сухой – хорошие пластиковые окна не пропустили-таки воду. Я посмотрела в окно – знакомая картина: сероватый мокрый кремль, Казанка, ближе пустынный двор, освещенный ярким солнцем. И никого... Во всем мире никого. Телефон молчит. Мобильник лежит на тумбочке и молчит. Связи нет. И связываться не с кем. Я поймала себя на мысли, что только сейчас вспомнила о муже. Наверное, и он вот так же лежит где-то на улице с раздутым от долгого пребывания в воде лицом, а я... сама этого ему нажелала еще три дня назад. За вот эти закрытые окна. Я завывала было, но остановила вой в себе, увидев личико Юльки. «Давай спать, дорогая, вдвоем, в своей постельке». И провалилась в тяжелый черный сон – без волн, без котов, без раскаяния...

* * *

Пробуждение было тяжелым. Глаза открывать не хотелось, думать, как жить дальше одним в этом пустом, смытом водой мире, не хотелось, думать, чем накормить ребенка и котов, не хотелось, думать о том, что мужа и всех родных больше нет, не хотелось... Кажется, это Скарлетт говорила: «Я подумаю об этом завтра. Сейчас я просто не вынесу». Но мысли все равно упорно лезли в голову: я на него накричала, а он утонул; родителям не звонила два месяца – и они мертвы; с соседом еще три дня назад разругалась в лифте из-за того, что собаку не держит на поводке и она бросается на ребенка, убить его была готова – теперь ни его, ни собаки... Все не так делала, все неправильно...

– Папа! – радостно завопила Юлька. Сердце мое сжалось: папы больше нет, как сказать об этом ребенку?

– Хватит спать, сони! Подъем, завтрак – и все вместе едем в большое путешествие! – сказал знакомый голос из прошлого, и я ощутила реальный поцелуй в ухо. С чмоком. – Фу! Какая у вас тут духотища! – продолжал голос. – Ты была права, дорогая, зря я закрыл окна, сейчас открою!

В два прыжка я очутилась у окна: белый, совершенно сухой кремль, Казанка, двор, люди. Живые люди ходят туда-сюда... Значит, это... – я помчалась осматривать стены квартиры на предмет сухости – значит, это был сон! Непередаваемая волна счастья разлилась по всему моему телу, и, не выдержав такого облегчения, ноги мои подкосились, и я сползла по стене на пол. Открыв глаза, я встретилась с испуганным взглядом мужа и двух котов, сидевших по обе стороны от него. Сомнений не было: кроме нашего голубоглазого неевского маскарадного Барсика был тот самый, спасенный мною из водной пучины, полосатый кот дворовых кровей.

– Откуда это? – спросила я хриплым голосом.

– Это я принес, – извиняющимся тоном начал муж. – Представляешь, я его выловил из речки, он чуть мне лодку резиновую не проткнул своими когтями...

– Это кот Матроскин, – сказала Юля, сгребая кота, – он приехал из деревни Простоквашино...

– А это билеты на теплоход, – сказал муж, вытаскивая из барсетки цветные бумажки, – я всем нам купил. Завтра поплывем на теплоходе в Болгар. Речка, волны, красота!

– Никаких волн, – вздрогнула я. – Пожалуйста, больше никаких волн. Можно, я их порву?

– Ну, если тебе так хочется... – надулся муж. – Может, тебе больше нравится картошку полоть в деревне?

– Угу-угу, – закивала я торопливо, чтобы он не передумал, – лучше картошку, я согласна, – и подарила ему самый крепкий в мире поцелуй. А потом взяла веник, смела обрывки билетов в совок и высыпала их в ведро без малейшего сожаления.

P.S. P.S. P.S...

...Оксана старалась бултыхать ногами, но их уже не чувствовала, плыть помогала себе руками – гребя то левой, то правой, отчего бревно двигалось зигзагами.

Когда рассвет все-таки забрезжил, Оксана услышала над собой неясный шум вертолетов и, вверив свою судьбу им, мгновенно отключилась, перестав грести. Тело с готовностью расслабилось, по нему поползла приятная усыпляющая и согревающая дрема. Пальцы, вцепившиеся в бревно, разжались, и Оксана, улыбаясь, плавно стала уходить под воду... «Как в «Титанике», – мелькнула напоследок утхающей искрой мысль в ее сознании, но ноги вдруг уперлись в песок – в самый настоящий твердый песок...

Часть 4. Гадание

12.07.2011, 7:15

ИНТЕРФАКС: «По мере подъема растет число официально подтвержденных жертв катастрофы. По последним данным, извлечены тела 73 человек, в том числе 11 детей, передает пресс-служба МЧС. Оpoznаны 46 тел, большинство найдены на средней палубе теплохода – в помещениях бара и ресторана. Всего на борту находились 205 человек, из них 23 незарегистрированных пассажира. Спасены 79 человек».

Глава 1. Гадалка

Гадалка с остервенением тасовала карты, выпускала пламя из красиво очерченных, изрешеченных мелкими морщинками ноздрей и ругалась страшными словами, изрыгая проклятия в адрес своих клиентов в частности и подлых людей в целом. Ольга сидела тихо на стульчике, переживая бурю. Она ходила к этой Гадалке каждый день как на работу вот уже месяц – снимала венец безбрачия, и успела привыкнуть к ее громогласным воплям. Да и растрепанная Гадалка сама предупредила ее еще при первом визите, что представителям их профессии просто положено ругаться, извергая из себя всю ту гадость, которую несут к ним клиенты, иначе загнешься под тяжестью чужих болезней и невзгод.

– Ты бы знала, куколка моя, – возмущалась она, какие бывают клиенты – сволочи и паразиты! Приворожить богатого начальника месяца на три, чтобы хорошую машину купил, – это, по-твоему, нормально? Попросят убить свекровь ради квартиры – это нормально? Собственную мать отравить из-за завещания! Прикончить любовницу – это нормально?! Свести в могилу жену любовника, не желающую давать развод... Сделать что-нибудь, чтобы дети от первого брака уехали в другую страну и не вернулись... Наймите киллера, говорю, не по адресу пришли, голубчики! А они не понимают – денег суют мне побольше. Что за народ? Образованными себя считают, по три диплома купленных имеют, а сами не знают, почему Герасим утопил Муму! Это нормально?

Ольга удивленно поднимала брови и мотала головой – ненормально. Это была единственная реакция, которую она могла себе позволить, – вставить слова в возмущенные потоки речи у нее не получалось. Да и не больно-то хотелось – чужие проблемы ее не интересовали.

– Да разве их интересуют чужие проблемы-то? – будто читая мысли, взвизгнула Гадалка, переходя на фальцет, и Ольга вздрогнула от такого неприкрытого ясновидения, посмотрела на старуху с испугом и уважением, стараясь перестроить мысли в другом направлении, проникнуться рассказом Гадалки. А та, усмехнувшись в редкие усы, продолжала свое повествование: – Я вон в прошлом году нос разбила – врезалась в эти дурацкие стеклянные двери в супермаркете, которых вообще не видно, кто только их придумал, чтоб ему руки оторвало ядерной боеголовкой! Сижу вся перебинтованная, и что ты думаешь? Хоть бы кто-нибудь спросил, что со мной или как мое самочувствие! Никто! Им до лампочки я и мой трижды распрекрасный раненый нос. Я для них на уровне уборщицы: пришли – погадала – грязь ихнюю выслушала – и ушли... О! Глянь-ка, куколка моя, деньги к тебе идут большие, – не меняя интонации, переключилась она на карты, – какие-то бумаги тебе подписывают два мужика солидных – один брюнет, второй нерусский. В понедельник получишь большую сумму. Кредит, что ли, берешь?

Ошарашенная таким провидением Ольга кивнула.

– А я что говорю?! Карты не врут! – кричала Гадалка торжествующе. – Деньги получишь. Машину хочешь купить. Какую? Синюю? Не смей! Разобьешься! Насмерть! Любого цвета бери, только не синюю – не твой это цвет. Конкуренция с небом синий цвет – разобьешься!

Провожая Ольгу до двери, Гадалка хрипло, будто израсходовав на крики весь голосовой заряд, сказала:

– За завтра оставь деньги и не приходи. Сама все сделаю, что надо. Не будет меня завтра. Отдохнуть хочу. Поплавать на теплоходике по Волге, а то все силы из меня эти проклятые клиенты высосали...

Услышав по телевизору, что теплоход, на котором должна была отбыть в круиз Гадалка, затонул, Ольга, несмотря на запрет, помчалась к ней домой. За месяц гаданий она так привыкла к взбалмошному характеру этой громкоголосой старухи, что испугалась за нее как за близкого человека.

Гадалка открыла дверь и засмеялась по-доброму:

– Чего пришла? Испугалась? За меня? Это я вас всех проверяла... Всех клиентов своих. Только одна ты и испугалась, а остальные хоть бы хны – утонула и утонула, – сказала она горько. – Ну и хрен с ними, может, отсеется половина.

– Так вы знали? – выдохнула Ольга, и глаза ее расширились от ужасного прозрения. – Знали, что теплоход затонет...

– Знала конечно. Как не знать? Карты не врут – на то я и гадалка... – Она плюхнулась в кресло и принялась тасовать Таро.

– Знали и не предупредили? – Ольга смотрела на старуху как на умалишенную – во все глаза.

– Сумасшедшей меня считаешь? – прочла мысли Гадалка. И прищурилась: – Предупредить – кого? Ни один из моих клиентов в этот круиз не собирался – не их уровень речные круизы по три тыщи с носа. И даже те, чей уровень соответствует, – она смерила взглядом Ольгу, – не собирались. Я бы знала. А предупреждать чиновников из речного пароходства или из турагентства кого-нибудь – и не представляю как. Сама подумай, придет к ним гадалка и скажет: карты мои говорят, что вон тот теплоход у вас завтра затонет аккуратно после обеда в Куйбышевском водохранилище, не выпускайте его в рейс. Думаешь, поверят? Думаешь, не выпустят? Ха! У нас верят только после. После того, как все плохое случится. Вот сейчас сидят и верят изо всех сил, потому что не поверить уже нельзя.

– Можно было объявить по радио, написать в газете! – выкрикнула Ольга истерически.

– Сама-то соображаешь, что говоришь? – насмешливо посмотрела на нее Гадалка. – Садись уже и не переживай за них – все под Ним ходим, все там будем.

– Там же дети... – менее уверенно возразила Ольга.

– Детям лучше уйти из этого мира пораньше, чтобы не учиться у взрослых привораживать, отвораживать и заказывать убийства себе подобных. Им там будет лучше, чем нам здесь. Нам еще ого-го чего предстоит испробовать! Молить о смерти будем Всевышнего!

Ольга содрогнулась от таких пророчеств, будто ее кольнули булавкой, и посмотрела на колоду, подмигивающую ей глазом дьявола с засаленной картинки.

– Ну, про деньги я тебе вчера сказала, получишь их и машину свою купишь, – забубнила Гадалка, раскидывая карты. – Пьянка у тебя сегодня намечается с какой-то дамой старше тебя. Ты с ней не очень-то откровенничай, неспроста она к тебе с бутылкой в подруги лезет... Подлость какую-то замышляет... С матерью будешь завтра говорить... Какой-то король богатый у тебя появится с серьезными намерениями, блондин... И еще один тут трепыхается, какой-то нервный молодой человек, – не надо тебе такого...

Ольга уже не слушала, потеряв всякий интерес к раскладу своей жизни и даже к королю, которого так долго ждала. Ей захотелось отправиться вместе с утонувшими в тот мир, где не будет ни трагедий, ни гадалок, ни подруг с подлыми намерениями, ни трепыхающихся молодых людей...

Глава 2. Заповедь Моисея

– Несправедливость какая-то у нас получается, Ваша Светлость, – поклонившись на две стороны – сначала Всевышнему, потом Черной Тени, сказал Непокорный Ангел и покраснел от осознания неpotребности своего поведения.

– Опять этот Непокорный, – заворчала Тень, – давно надо было его обескрылить и отправить в восьмой ров девятого круга лопаты затачивать...

– Один непокорный всегда должен быть в любом коллективе, чтобы коллектив не превратился в стадо, – наставительно сказал Всевышний и повернулся к тому, кто посмел упрекнуть его в несправедливости. На лице его было написано глубокое внимание.

– Взять хотя бы эту «Булгарию»... – осмелел немного Непокорный Ангел. – Получается, что спаслись у нас только коты и гадалки.

– Я бы уточнила: спаслись люди благодаря котам и гадалкам. И снам, – поправила Черная Тень, весьма довольная своими поправками. – Но, что ни говори, замечание верное – меня тоже такая справедливость несколько смущает.

– Что вас смущает? – развел руками Всевышний. – Сколько раз учил смотреть в корень проблемы, а не судить по поверхностным результатам. И вообще прекратить мыслить с точки зрения человека. С котом мы все выяснили, не так ли? – обратился он к Тени, которая нехотя кивнула. – А что касается Гадалки – вы хотели, чтобы она умерла? Такой легкой смертью? Утонула за три минуты? Но ведь кому, как не вам, знать о том, где тяжелее живется представителям этой человеческой профессии – на земле или в аду? Что твой четвертый ров, полный ведьм, колдунов, заклинателей и магов, по сравнению со всей земной жизнью этой гадалки? Да она мечтает об аде! Но еще не скоро его получит, ибо вся эта магия с заглядыванием в будущее не разрешена никому, кроме меня. И даже если мы сейчас нарушаем заповедь Моисея, ответственного за это, как там у него?

– Ворожеи не оставляй в живых, – быстро процитировала Тень, даже не заглядывая в свои бумажки.

– Именно! Даже если мы нарушаем заповедь Моисея, она только более справедливое наказание понесет. Она ведь давно этим промышляет... И не только она, а все ее прабабки, начиная с той Цыганки...

Глава 3. Цыганка

С тяжелой головой проснулся опять Михаил Дмитриевич. Обрывки неясного сна не отпускали, не хотели рассеиваться, переходили в туман, который наполнял пространство за окном, сливался с реальностью. Исподнее опять было мокрым – видно, всю ночь бросало его в пот. Который уж раз приключалось с ним эдакое необъяснимое безобразие. Который уж месяц. Ужас, туман и страх – все, что помнил он из ночного кошмара. А еще безвыходность и ничего конкретного.

Другой бы от подобного повторения впал в меланхолию или того хуже – запил, чтоб утопить во хмелю столь часто повторяющиеся ночные кошмары. Но Михаил Дмитриевич лишь отряхнулся, как большой лохматый пес, сбрасывая с себя ночное наваждение.

– Поддай-ка мне воды, Анисья! – хрипло гаркнул в приоткрытую дверь Михаил Дмитриевич.

Анисья будто ждала хозяйского зова – тут же явилась в спальню с огромным ковшом воды. Да так и застыла на пороге горою-елочкой из толстых, аккуратнo уложенных друг на друга складок, нависающих над крахмальным передником. Уставилась на помятое лицо своего хозяина:

– Никак опять давешний сон, Михал Дмитрич? – сочувственно зашепелявила она не совсем еще старым, но основательно беззубым ртом. – Не к добру, не к добру это, батюшка, – запричитала, как над покойником. – И опять, ить, с четверга на пятницу, как в прошлые разы. А они, ить, сбываются, такие сны-то, батюшка Михал Дмитрич...

– Цыц ты, закудаhtала опять! – вытерев намокшие усы, рывкнул на нее хозяин. Встал, выпрямился во весь свой богатырский рост, потянулся могучим торсом к потолку – аж позвонки захрустели, помятые за ночь перинами, выстраиваясь в анатомически правильный вертикальный ряд. – Чему там сбываться? Не помню ничего. Серь какая-то. Муть.

– Дык, ить, батюшка, Михал Дмитрич, исподнее-то все мокрехонько, видно, страху-то за ночь натерпелися, вот страхи-то те и сбудутся, – продолжала свою заунывную песнь Анисья, промокая увлажнившиеся глаза крахмальным передником.

– Какие еще страхи? Мелешь незнамо что! – отмахнулся хозяин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.